

Книги

Э.-Э. ШМИТТА

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугай с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Мечь через прощение
Миларепа
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена
Дневник утраченной любви
Испытание Иерусалимом: Путешествие на Святую землю
Соперница

Цикл «Путь через века»
Потерянный рай
Врата небесные
Темное солнце
Свет счастья

эрик-эмманюэль
ШМИТТ

СВЕТ
СЧА-
СТЬЯ

путь через века

книга 4

Издательство «Азбука»
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ш 73

Éric-Emmanuel Schmitt
LA TRAVERSÉE DES TEMPS
TOME 4: LA LUMIÈRE DU BONHEUR
Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2024
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Елены Березиной, Марии Брусовани

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-25934-8

© Е. Н. Березина, перевод, 2025
© М. И. Брусовани, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

часть первая
розовоперстая
ЭОС

1

Над нами сошлись каменные плиты. Чудовищный грохот умолк, воцарилась тишина. Пирамида вновь замкнулась в своем одиночестве.

— Хочу, чтобы ты был моим, только моим, — шептала Нура.

Многотонный каменный заслон опечатал наше будущее. Мы были погребены заживо, и нам никогда отсюда не выйти. Кричать было бесполезно, колотить в стены тоже, рыть землю без толку, а если бы удалось сдвинуть хоть одну из каменных глыб, своды могли бы рухнуть. Памятник был задуман, чтобы оградить фараона от войн, армий, эпидемий, вторжений, смены сезонов, от всех угроз и даже от хода Времени. Этот архитектурный монстр бросал вызов тысячелетиям. Мумия обрела вечный покой, а мы — вечную тюрьму.

— Моим, только моим...

Нура добила своего. Она прижалась ко мне, тонкая нить ее голоса царапала тишину.

Непроницаемость сооружения леденила мне кровь. Оконце на волю есть даже в темнице, а этот каменный заслон полностью исключал связь с миром. Переступая определенный порог изоляции, попадаешь

в никуда. Что было вокруг гигантского мавзолея? В ту минуту мы еще помнили: утыканный пальмами песчаный участок неподалеку от Нила, на том берегу, где заходит солнце. Но если пейзаж изменится, мы, забаррикадированные плотными стенами, этого не заметим, ибо нет ни амбразуры, что впустила бы скудный проблеск неба, ни продушины, которая открыла бы доступ дыханию природы, — да, мир вокруг будет меняться, а мы о том не узнаем. Как нам понять, что пошатнулось мироздание, ледники севера устремились на юг или вокруг пирамиды разрослись буйные леса, наш клочок земли отчалил в море или улетел в черноту небосвода и скитается там среди звезд и светил? Что может быть страшней, чем потерять все ориентиры и самому сделаться своим единственным ориентиром? Я был ошеломлен разрывом с миром.

— Хочь, чтобы ты был моим, — повторяла она, — только моим.

Я смотрел на Нуру — в свете факела ее черты мерцали. Никогда моя любимая не казалась мне столь чужой. Как она смела позволить себе такое? В одиночку решить нашу судьбу, загнать нас в этот капкан. Учинить подобное мог разве что злейший враг.

— Ты должна была со мной посоветоваться, Нура.

— Нет, ты бы испугался.

— Да, испугался и отказался бы, и мы сейчас развлекались бы не в могиле, а в более веселом месте.

Она стиснула мне руку:

— Не нужно бояться.

— Какое «бояться»? Я в ужасе.

Она взглянула на меня и мягко качнула головой:

— Я помогу тебе пройти это испытание, Ноам.

— Ты не поняла, Нура: я в ужасе от тебя. Кто ты такая? Как ты посмела?

Я отдернул руку, отпрянул в сторону. И, увы, сразу уперся в каменный выступ. Мне суждено не просто томиться в тюрьме, но метаться в тесном застенке. Мне сдавило грудь, я пытался отдышаться. Была ли то игра воображения или реальность, но мне казалось, что под гнетом тяжелых стен в утробе гигантской гробницы застыл даже воздух. Сердце бешено забилося. Я напрягся и мигом вспотел, из подмышек завоняло, как от испуганного зверька.

Нура пыталась меня успокоить:

— Давай я объясню тебе, Ноам. Мы с тобой умрем, как простые смертные, ну или хотя бы испытаем что-то подобное.

— Зачем? — завопил я.

Мой вопль разнесся по узким проходам, отскакивая от гранитных стен, множась и раздергиваясь на нити. На краткий миг меня утешила иллюзия, что вместе со мной возмущалось целое сборище Ноамов. Но я был настороже, чувства обострились; на стенах я замечал детали, поначалу ускользнувшие от моего внимания, а в глубине здания слышал звуки, прежде неощутимые, будто я очутился в трюме судна, сотрясавшегося под напором стихии. Мое тело было начеку, будто изготовилось к бегству.

Нура продолжала:

— Я много наблюдала за смертными. Чувство истекающего времени заставляет их ценить мгновение. Мысль о том, что все однажды кончится, не уменьшает счастье, а усиливает. Как соль подчеркивает вкус пищи, так и сознание своей уязвимости придает смертным

остроту ощущений. Смерть подстерегает их, и они любятся нежнее и жарче.

— Неужели я слабо тебя любил? Я ждал тебя, искал. Это ты в Египте решила меня оставить.

— Вспомни, я скрывалась от Дереха. Который мстил нам и нас преследовал. Я оградила нас от этого монстра.

Да, она была права. Мой единокровный брат не выносил нашего с Нурой союза, ревновал и ее, и меня. Неутоленная и неутолимая жажда любви превратила его в ущербного безумца; как и мы, он был наделен вечной молодостью и бессмертием, и нас преследовала его неизбывная ненависть. Однако помеха, которую представлял собой Дерек, казалась пустяком в сравнении с кошмаром, в который повергла меня Нура. Я был в отчаянии, я отвергал все смягчающие обстоятельства, объяснения, резоны и твердил Нуре лишь о ее ошибке.

— Ты меня любишь и потому убиваешь?

— Наша любовь ослабла, Ноам.

— Чудовищно! И ты могла так поступить со мной! — Я обвел рукой нашу роскошную гробницу.

— Наша любовь ослабла, но в том нет нашей вины. Виноваты обстоятельства. Чего нам бояться? Ни бег времени с его разрушительной силой, ни увядание плоти, ни болезни, ни даже смерть не страшны, раз нам предстоит возрождение. Мы устроились с комфортом, вот наша любовь и ослабла. У тебя были свои романы на стороне, у меня свои, и навстречу друг другу было как будто незачем спешить.

— Да, ты права: наша любовь ослабла! И чем дальше, тем она слабее! Я даже не уверен, что все еще тебя люблю.

Не знаю, был ли я в тот миг чистосердечен, или мне хотелось ее ранить, но гнев смешал мне мысли и лишил рассудка, — может, он-то вместо меня и вещал. Увидев, что Нура при этих словах мертвенно побледнела, я расхрабрился и добавил:

— Нет, кое в чем я уверен: я тебя ненавижу.

Она метнулась ко мне и обхватила за шею; на ресницах блеснули слезы. Нура умоляла:

— Нет! Только не это! Через несколько дней мы угаснем от голода и жажды. Не будем тратить время на ссоры, пожалуйста!

— Сожалею, но твои планы меня не прельщают. В оставшееся время я желаю лишь одного: избавиться от тебя.

Будто силы разом ее оставили, Нура опустилась на холодные плиты. Она медленно и беззвучно заплакала. Бывают слезы для привлечения внимания, а бывают такие, что хотят остаться невидимыми; смущенные и стыдливые Нурины слезы не искали участия.

Я отошел от нее, не в силах понять, чего во мне больше, ярости или ужаса. Мне не хотелось видеть Нуриных слез, и я двинулся к погребальной камере.

Там он и лежал, фараон Сузер. Как спесива была эта мумия! Останки покоились под многослойной защитой: умащенное бальзамами и покрытое воском тело было туго спеленато, его форму — большая голова без шеи плавно уходила в покатые плечи — смутно повторяли четыре вложенных один в другой гроба: на первом было высечено имя покойного, на втором красовались указующие путь иероглифы, на третьем читались охранные заклинания, четвертый был богато изукрашен яшмой, сердоликом и лазуритом,

оправленными в золото; и наконец, саркофаг, ковчег из покрытого резьбой известняка, был призван послужить фараону ладьей для странствия в загробный мир.

Со всех стен на нас взирали волкоголовые Анубисы с настороженными ушами. Понизу тянулась фреска с изображением препятствий, которые Сузеру надлежало одолеть в царстве теней, а также магические формулы, отмыкающие заветные врата.

Я вздохнул. Была эта усыпальница великолепной или жалкой? Либо она воплощала отправную точку чудесного плавания и оправдывала затраченные усилия и расходы. Либо то была пустая обманка, не от истинных знаний возникшая, а от тщетных упований, безотчетных порывов и жалкой жажды утешения. Собственно, сейчас мне и предстояло это выяснить, ведь я приблизился к усопшему вплотную. Увижу ли я, как от мумии отлетит его *Ба*, духовная сущность?

Мне на спину робко опустилась рука.

— Я не ожидала, что ты так отреагируешь, Ноам. Думала, что поймешь...

Я в отчаянии обернулся:

— Ах, ты еще и осуждаешь меня? Упрекаешь, что я не прихожу в телячий восторг от твоей гениальной затеи, не нахожу и крупинки ума в твоём блистательном замысле? Я должен был тебя поздравить и поблагодарить за то, что ты заточила нас в этом склепе, даже если нам придется гнить тут многие тысячелетия? Ты слишком много на себя берешь, Нура! Умолкни.

Я направился в боковой коридор и уединился в тесном закутке.

Боялся ли я смерти? Не слишком. Я знал, что мой организм рано или поздно восстановится. Если он на-

питается влагой, я вернусь к жизни. Я уже не раз проверял эту невероятную регенерацию в процессе своих воскрешений под приглядом Нуры. Это воспоминание меня взволновало. Я грубо оттолкнул ту, которая бдительно и любовно следила за моими возвращениями к жизни. И она заслуживает моей ненависти? А я, неблагодарный, со своими обвинениями... Однако причиной моего смятения была непомерная власть, которую Нура узурпировала. Она решала за нас двоих, то есть решала за меня. Не моргнув глазом она завлекла меня в смертельную западню в блаженной уверенности, что приготовила мне милый сюрприз. Как после этого нам снова быть вместе? Нас разделяла пропасть. И думали, и чувствовали мы по-разному.

Несколько часов, а может и дней, Нура не решалась ко мне приблизиться. Она вняла моему желанию разрыва, перестала плакать, и это сделало ее неизбежное присутствие более сносным, хотя я по-прежнему на нее дулся.

Меня занимало лишь одно: я хотел вести наблюдение в погребальной камере. Замечу ли я, как из гроба выскользнет *Ба* Сузера? Ему были приготовлены резные стулья, золоченое ложе. Отведает ли он кушаний из амфор? В сундуках его ждали дорогие одежды, в ларцах хранились туалетные принадлежности. Умастит ли он свой призрак душистыми маслами, сложенными у изголовья? Потребует ли он услуг от своей челяди, отныне тоже мумифицированной?

Но ничего не происходило. Двойник Сузера остался запечатанным в глубине гробницы.

Еще одно разочарование... Сначала Нура, теперь сомнения насчет представлений египтян о загробной

жизни. Все лишалось смысла. В недрах погребальной камеры я ожидал постичь таинство, но ничего не случилось. Я был свидетелем лишь гибели надежд. Какая пропасть между этой унылой неподвижностью и религиозным верованием, подвигающим египтян на погребальные хлопоты, заботившие Сузера с самого его рождения, на трату сил для сооружения этой умопомрачительной гробницы, на денежные и человеческие издержки — ведь, как обычно, немало рабочих сгинуло на этой гигантской стройке... Я не уловил никакого выделения эктоплазмы, никакого излучения души. Ни даже блуждающих огоньков. Царил неоспоримый покой.

Я хотел поразмыслить о таинстве смерти, но не сумел: я только и думал что о выходе наружу, о дверце, которой здесь не оказалось. Здание, сооруженное из многотонной каменной массы, его короткие переходы и погребальная камера фараона, эта странная зала, бессмысленно заваленная останками и дорогим хламом, — все источало невыносимую тоску. Когда я обводил взглядом пределы зала, едва освещенного моим факелом, камера казалась кошмаром, полным зловещих теней и неясных форм.

Я цепенел от тоски. Во рту пересохло. Кружилась голова. Сказывалось обезвоживание, и я решил продегустировать жидкости из амфор погребальной камеры.

Я открыл один за другим сосуды, выбрал наименее омерзительную жидкость, отнес ее к выходу в коридор. Сделав несколько глотков, я крикнул что было сил:

— Я оставил здесь питье!

Мой вопль так резко разрушил тишину, что я вздрогнул.

После небольшой паузы Нура отозвалась неуверенным хриплым полусшепотом:

— Спасибо.

Я не переоценивал ни приятности пойки, ни смысла отсрочки, которую оно предоставляло, да и вообще, напиток мог оказаться не целебным, а ядовитым... но выбора у меня не было.

Факелов оставалось немного. В закутке, где они были сложены, от дотлевающего я зажег новый. Скоро мы погрузимся во тьму. Когда осталось только три факела, я перестал злиться и в мое сознание проник образ Нуры в крошечной тьме.

Пошатываясь, я побрел в ее сторону и увидел коленапреклоненный силуэт. Я подошел ближе. Нура подняла голову, и беспокойство на ее лице сменилось облегчением, лишь когда она прочла в моих глазах примирение, а на губах заметила слабую улыбку. Я смущенно прочистил горло, не зная, с чего начать. Она меня опередила:

— Прости меня, Ноам.

Я сел перед ней на корточки — суставы хрустнули. Я вглядывался в ее тонкие черты, изящный нос, красиво очерченный рот, выразительный и живой, несмотря на усталость. Простить? Простить ей, что обрекла меня наблюдать ее угасание, а потом угаснуть самому? Простить ей, что она убивает себя, меня, нашу любовь? Ну нет.

— Я думала, это так прекрасно, — продолжала она виноватым голосом, — прекрасно, как и вся наша

история, сильно, остро, решительно. Но идея оказалась дурной, извращенной. Я страдала оттого, что ты с другой женщиной и тебе с ней хорошо.

— У тебя помутился разум.

— Конечно.

— Когда ты обрекла меня на ту же муку с Авраамом, я ее выдержал и не сердился на тебя.

— Зато я на тебя сердилась! Да, я такая, чума, эгоистка, собственница, злопамятная. Я не хочу, чтобы ты приносил мне страдания, которые приношу тебе я. И не пытайся меня урезонить. Я в бешенстве. Я заточила нас еще и потому, что я в ярости и хочу отыграться. И в конце концов, чтобы ты был только моим.

— Только твоим, но не жить вместе, а умереть.

— Мы не умрем. Мы исчезнем на время.

— Согласен. Да, мы не умрем, но и жить не будем.

Она прижалась ко мне:

— Прости меня.

Что я такое? Моему разуму кажется, будто он управляет моей жизнью, но управляет ею моя кожа: мое настроение изменилось, едва мы с Нурой коснулись друг друга. Мой гнев растаял. Я размяк, мне захотелось стиснуть Нуру в объятьях, отвлечь от наших мрачных застенков, где нам предстояло гнить.

— Я тебя прощаю.

Прощение означало, что Нура уже не сводилась только к этой ошибке: я вернул ей всю полноту ее личности. Почему я связал ее образ только с этим странным и жестоким поступком? Ведь в прошлом она проявляла великодушие, преданность, жертвенность, невероятное терпение, бескорыстие... Нура воплощала тысячи разных поступков! Одно лишь ее имя таило

неисчерпаемые загадки, было источником проявлений, которые навсегда врезались в мое сердце, — одни меня восхищали, другие ранили, но все изумляли.

— Прощаю тебя от всей души.

Она по-кошачьи замурлыкала и потерлась носом о мою кожу, пройдясь вдоль всего тела.

— От жажды умирают через три дня, Ноам. На третий день для нас что-то изменится. Мы угаснем. И долго останемся мертвыми.

Я склонился к ее лицу и умиротворенно прошептал:

— Обещаю тебе, что мы проживем три лучших дня нашей жизни.

И мы сплелись в объятьях. Нет, это соитие не было похоже на прошлые, в нем не было их свежести, их здоровья, их медовой испарины, но благодаря ему мы открыли новое измерение: нам было безразлично то, что прежде могло бы нас отвратить. Мы не замечали прогорклого с кислинкой душка, шершавости и жесткости камня. Нечистоты, жажда, боль — не важно: эти три дня станут праздником.

Отчаяние и неотвратимость конца принесли нам особую радость, и я никогда ее не забуду. Все озарялось прощальным светом. Каждое объятие казалось первым и последним, каждый миг был бесценным. Мы едва не теряли сознание, наши кишки пересохли, мы корчились от боли, кожа превратилась в пергамент — но в этом мы черпали странную силу. Бешеные ласки, оголенная чувственность, буйные соития — мы выделяли все, на что наши тела еще были способны, чередуя объятия с признаниями, историями

и фантазиями. Нура оказалась права: смерть придает жизни остроту.

Потом не осталось ни капли влаги, ни крошки пищи.

Потом не осталось сил.

Потом я пустил в ход последний лоскут и последнюю щепку, которые можно было сжечь. Пламя поглотило последнюю ножку столика и погасло.

Воцарилась тьма. Густая. Тяжелая. Удушающая.

Мы находили друг друга по голосу и на ощупь.

Мы почти не двигались. Мы слабели и высыхали. Тишина и мрак заключили зловещий союз.

В какой-то миг изнуренная Нура последним усилием прильнула ко мне. Она уже не отзывалась, разве что легким шевелением пальцев. Я перестал осознавать происходящее. Мне казалось, я еще угадываю коридоры и проходы; мне хотелось заметить змею, ящерицу, крысу, червяка, любую дрожь, любое трепыхание жизни, но тщетно.

Мои чувства слабели. Сознание гасло. Ни надежды. Ни тревоги. Ни забот.

Думаю, я умер после Нуры.

*

На этой стадии моего рассказа я рискую удивить читателя.

В чем бы египтяне ни пытались нас убедить, тайна смерти неведома никому. Кто бы ни стал утверждать, что знает ее суть, будь то небытие, загробный мир, преисподняя, рай, чистилище, мир призраков, подземные края или царство вечности, — шагнет за пределы человеческого знания и окажется самозванцем. На сей

предмет нас объединяет лишь одно: неведение. Однако я вынужден свидетельствовать и дать как можно более точный рассказ о том, что следует назвать моей смертью.

Моя смерть не была концом: пусть я каким-то образом угасал, я так или иначе оживал снова.

И вот, когда остатки жизни в моем теле померкли, я покинул свою оболочку и поднялся над ней. Я испытывал своего рода облегчение, разглядывая сцену во всех подробностях, хотя тьма была кромешная. Я видел свое бездыханное тело и приникшее к нему Нурино. Мы недвижно покоились в последнем объятии. Мы были прекрасны. Прекрасны нашей молодостью. Нашей безмятежностью. Нашей любовью. Это финальное объятие означало триумф четы, неразлучной и в жизни, и в смерти.

Я облачком повис над нашими телами, но мог ли я перемещаться внутри пирамиды? Нет. А покинуть ее? Тем более. Однако мои отношения с миром больше не проходили через призму возможностей: я ничего не требовал, я парил. Конечно, я был еще близок к Ноаму, которого покидал, но уже не был к нему привязан физически, я был нематериален, наподобие тени.

Испытала ли Нура схожую метаморфозу? Этот вопрос меня занимает сейчас — тогда он у меня не возникал. Меня ничто не волновало, и потому я был счастлив. Мне не докучали ни нужды, ни заботы, я отдалился от всех желаний, и телесных, и духовных. Я пребывал в блаженной полноте. Внизу я видел Нуру в объятиях Ноама, но не встретил Нуриной души. И фараоновой души не встретил. Обретались ли они

в ином измерении, отличном от моего? Несомненно, различные уровни исканий и тревог не позволяли нам воссоединиться. Не встретил я и душ моих предков, ни маминой, ни дядюшки Барака, никого из прежде любимых. Или виной тому пирамида, эта затерянная в песках крепость? Кто мешал им соединиться со мной? Но эти размышления рождаются сейчас под моим пером, тогда же они меня не тревожили. Я не ощущал никакого отсутствия.

Неспешно текли века.

Сколько? Не сосчитать.

Вероятно, египтяне были правы относительно двух вещей: души *Ба* и вечности. Моя *Ба*, мой духовный двойник, отлетела от телесной оболочки и сохранилась. Что касается вечности, пирамида даровала мне ее, отрезав от мира, от времен года, от разливов Нила, от смены дня и ночи. Время идет, лишь когда оно размечено вехами, отбито ритмами жизни. Мое время остановилось, застыло. То было время вне времени.

Наверное, вечность...

Вдруг удары.

Меня разбудил шум.

Да, удары. Будто молотом. Толчки.

Сознание вошло в новый режим, встряхнулось, насторожилось.

Тяжелые толчки. Долгий жалобный скрежет, звук разрушения. Победный рев. Вопли с восточной стороны. Люди. Приток свежего воздуха, осязаемая энергия!

Тьму пронзил слабый отсвет. Грохот обрушения каменных глыб, и вот резкий ослепительный сноп лучей

Шмитт Э.-Э.

Ш 73 Путь через века. Кн. 4 : Свет счастья : роман / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. Е. Березиной, М. Брусовани. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-25934-8

Эрик-Эмманюэль Шмитт — мировая знаменитость, лауреат Гонкуровской премии и многих других наград. Его роман «Оскар и Розовая Дама» читатели назвали книгой, изменившей их жизнь, наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами». Его романы переведены на 45 языков и огромными тиражами выходят в более чем 50 странах. «Путь через века» — грандиозная философско-романтическая сага Шмитта, попытка охватить единым взглядом и осмыслить всю человеческую историю.

...Трагедии Еврипида и Олимпийские игры, Пелопоннесская война и афинская чума, божественный пантеон и ростки рационализма. Бессмертный целитель Ноам, его вечная возлюбленная Нура и его единокровный брат Дерек пережили всемирный потоп, побывали в Месопотамии, затем в Древнем Египте, а спустя столетия очутились в Греции V века до нашей эры. Пророчество Дельфийского оракула и новая любовь приводят Ноама в Афины. Великий стратег Перикл и таинственная Аспасия, Гиппократ, Алкивиад, Сократ и его ученики — вновь попав в незнакомый и поразительный мир, Ноам обзаводится удивительными друзьями. На его глазах рождаются спорт, театр, философия и демократия; на его глазах люди учатся управлять обществом, примирять непримиримое, но также подчинять человека толпе. Афины полнятся светом счастья — но и горе в них тоже будет, и Ноаму придется снова исцелять раны, нанесенные человеческой жестокостью и любовью.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЭРИК-ЭММАНИЮЭЛЬ ШМИТТ
ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА
Книга 4
СВЕТ СЧАСТЬЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Анна Марченко
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.03.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-34910-01-R